

Июль 1861

Тактика венгерских радикалов. — Кرواتский сейм. — Немцы и славяне на венском сейме. — Прения в английской палате общин об уступке острова Сардинии. — Перемещение лорда Росселя в палату перов. — Северо-американские дела.

С недели на неделю, с месяца на месяц, тянется почти все одно и то же положение дел в Венгрии, благодаря тактике большинства на венгерском сейме: когда сейм собирался четыре месяца тому назад, венгры надеялись, что вспыхнет война в Италии. Но Кавур не отважился начать военные действия в противоположность воле императора французов, и пришлось венграм ждать других комбинаций, чтобы приняться за осуществление своего плана. Ближайшею целью их сделалось то, чтобы продлить существование своего сейма, избегая решительных действий. Задача была очень трудная, потому что собиралось большинство сейма вовсе не с такими мыслями: люди, выбранные для провозглашения войны, должны были заботиться теперь об отсрочке столкновений. Чтобы достигать этой цели, они должны были жертвовать своим самолюбием, представляя одерживать победу в прениях сейма умеренному меньшинству, надеявшемуся примирить австрийское правительство с Венгрией. Кроме неприятностей для личного самолюбия, существовала, повидимому, и значительная опасность в этой системе добровольных уступок большинства меньшинству. Что, если бы австрийское правительство согласилось на требования умеренной партии? Большинство, допускаящее этим требованиям проходить через сейм, принуждено было бы провозгласить примирение Венгрии с Австрией, когда венское правительство приняло бы программу умеренной партии. Но предводители большинства очень верно предусматривали, что венское правительство не сумеет воспользоваться выгодами, какие получило от нерешительности туринского кабинета, что оно не сумеет понять истинного положения дел, не сумеет примириться с умеренною партией. Будучи уверены в этом, предводители венгерского большинства предостав-

ляли умеренной партии истощать все способы к соглашению с венским правительством; через это выигрывалось время, и с тем вместе все тверже укоренялось после каждой неудачной попытки умеренной партии убеждение, что надобно будет начать войну при первой возможности, что без войны Венгрия ничего не получит. Последние два фазиса тактики, имевшей такую цель, требовали очень сильного самообладания от предводителей большинства: они должны были делать маневры, подвергавшие их насмешкам от людей, которым еще не понятен был их расчет.

Читатель помнит, что большинство венгерского сейма, отвергавшее форму адреса, согласилось пропустить адрес через палату, чтобы выиграть время. Но в проекте адреса, составленном главою умеренной партии, Деаком, оно сделало перемены, очень важные с формальной точки зрения: оно отвергло титул императора и короля, который давался императору австрийскому в первоначальном проекте адреса. Император сказал депутации венгерского сейма, отправленной к нему для поднесения адреса, что не может принять документа, в котором не признается за ним его титул. Он ставил непременно условием восстановление выражений, находившихся в первоначальном проекте. Что теперь было делать большинству венгерского сейма? Оно отвергло эти выражения; восстановить их значило бы навлечь на себя упреки в трусости. Но восстановить их значило выиграть время, что всего дороже при настоящем положении дел. Существенную выгоду большинство предпочло расчетам самолюбия. Оно решило не противоречить умеренному меньшинству, и выражения первоначального проекта были восстановлены.

Австрийское министерство как будто было уверено, что венгерский сейм не сделает этого. По крайней мере, когда прислан был в Вену адрес по форме, какой оно требовало, оно было расстроено и долго не могло решить, как поступить. Более недели шли в кабинете сильные споры о характере ответа на адрес, которого не принять было уже нельзя. Представители венгерской национальности в министерстве, Вай и Сечен, доказывали необходимость уступок требованиям сейма. Шмерлинг не соглашался. Проект рескрипта, представленный Ваем и Сеченом, был, наконец, отвергнут и принят другой проект в духе Шмерлинга. Тогда Вай и Сечен, уже считавшиеся в Венгрии изменниками, вышли в отставку.

Когда прислан был в Пешт рескрипт, написанный в духе Шмерлинга, он произвел такое неблагоприятное впечатление, что Аппони, служащий представителем венского правительства при венгерском сейме, несколько раз посылал по телеграфу уверения в необходимости взять рескрипт назад и заменить другим, более уступчивым. На все представления он получал решительный отказ. Пришел день, назначенный для формального сообщения сейму ответа на его адрес. В 12 часов должно было начаться за-

седание сейма, — за полчаса Аппони сделал еще попытку убедить Шмерлинга в необходимости изменить рескрипт. Пробыло 12 часов, сейм ждал чтения, — Аппони отлагал чтение, пока получится депеша из Вены. Наконец, она получена: Шмерлинг непреклонен. Началось чтение рескрипта.

Надобно отдать справедливость искусному тону, которым написан рескрипт; он наполнен уверениями, лестными для венгров, которых император австрийский называет в нем возлюбленными и верными своими подданными, обращаясь к ним в выражениях, очень милостивых. Всего рескрипта мы не будем приводить здесь, во-первых, потому, что он довольно длинен; во-вторых, потому, что перевод его уже сообщен русской публике нашими газетами; в-третьих, потому, что значительнейшая его часть занята техническими подробностями, которые потребовали бы очень длинных объяснений. Мы приведем лишь самые характеристические места. Вот начало рескрипта:

«Мы, Франц-Иосиф I, и проч. и проч. и проч. Собранным по нашему созванию 2 апреля текущего года в сейм магнатам и представителям нашего верного королевства Венгрии посылаем наше приветствие и благоволение.

Возлюбленные верноподданные! видя, что данному в нашем рескрипте к вам от 30-го июня приглашению представить посылаемый нам всеподданнейший ваш адрес в такой форме, чтобы его принятие согласовалось с охраняемым нами от всякого нападения достоинством короны и с нашими наследственными правами, вы последовали с соответственным вашим обязанностям готовностью, за что мы уже выразили вам наше удовольствие; мы радуемся, что, по выраженному вам нашему обещанию и живому желанию, можем откровенно высказаться о высоковажных делах, заключающихся в этом адресе, чтобы таким образом через ясное и последовательное рассмотрение достичь успешного и прочного решения настоящих затруднений».

После этого рассматриваются поочередно все мнения и желания, выраженные в адресе, и доказывается, с одной стороны, неосновательность каждого из них, с другой стороны, вредность для самых венгров, или для всей Австрийской империи, с третьей стороны — несогласие его с конституциею 26 февраля, которую императору угодно сохранять неизменно, с четвертой стороны — несогласие его с волею императора, которая остается верховным законом для Австрии. Потому все требования адреса одно за другим отвергаются; после всего этого рескрипт имеет следующее окончание:

«Вот что всемилостивейше желали мы отвечать на всеподданнейшее представление собранных сеймо-образно магнатов и представителей, справедливо ожидая, что мы нашу главнейшую заботливость направим к тому, чтобы наше королевство Венгрия, успокоенное относительно самостоятельности своего внутреннего управления, нашло непоколебимые опоры в обеспечении своего будущего блага; и что сеймо-образно собранные магнаты и представители, с надлежащим соображением отношений Венгрии к прочим прагматическою санкциею неразрывно соединенным с нею королевствам и землям, не откажут в своем сообразном конституции содействии этому предначертываемому нами сообразному совокупным интересам

устроению еще нуждающихся в оном отношении. Но так как мы во внимание к тому, что скачков в управлении или законодательстве какой-либо страны нельзя делать без глубокого потрясения всех отношений, разрушения благосостояния и повреждения священнейших интересов, уже в наших решениях от 20 октября 1860 года постановили, чтобы все существующие, как для самой области чрезвычайно важные, точно так же и с существенными интересами наших прочих земель соображенные законы и постановления, в особенности же насколько они относятся к доставлению средств на покрытие потребностей нераздельной империи, продолжали существовать во всей силе и со всею решительностью поддерживались, пока не произойдет их изменение конституционным путем,— то напоминаем мы о сем собранному в сейм магнатам и представителям, с сильным внушением, чтобы этим нашим приказаниям впредь оказывать точнейшее повиновение. Впрочем, остаемся к вам неизменно расположены нашею императорскою и королевскою любовью и милостью».

Мы сказали, что по своему тону рескрипт написан очень искусно. Но о языке его мы не выражали своего мнения, — в Вене находят, что и язык его очень хорош. Вот свидетельство венского корреспондента одной из немецких газет:

«Рескрипт к венгерскому сейму обнародован. Здешняя публика хвалит ясность и простоту языка, которым он написан».

Не столь выгодно было впечатление, произведенное рескриптом на заграничную публику. Французские и английские газеты нашли, что он сильно повредит интересам венского правительства*.

Если таково мнение иностранцев, то разумеется само собою, что самим венграм рескрипт еще больше не понравился. По нашему понятию, тон рескрипта очень любезен и милостив. Венгры несогласны даже и с этим, — они остались недовольны не только содержанием, но и тоном рескрипта. Но мы, не желая сами излагать их мнение, предоставим говорить пештскому корреспонденту «Times'a». Вот два его письма:

«Пешт, 23 июля.

Рескрипт, данный венгерскому сейму, обнародован ныне. Растянутый и многословный, он представляет резкий контраст ясному, деловому адресу Деака, на который хочет служить ответом. Дух этого документа, по словам венгров, — дух, незнакомый Венгрии, а язык и тон его, по словам стариков-депутатов, знакомых с формами, таковы, что Вена никогда не го-

* Мы не будем спрашивать мнения у либеральных английских газет, потому что оно известно вперед; но любопытно узнать, как думают об австрийском ответе венгерскому сейму английские консерваторы. Мы приведем слова «Saturday Review» еженедельной газеты, служащей самым влиятельным органом торийской партии. Вот что говорит «Saturday Review»: «император австрийский, конечно, восхитил своим рескриптом друзей Кошута и не обманул надежды той венгерской партии, которая согласилась на адрес к нему. Ее предводители были с самого начала убеждены, что венское правительство не согласится удовлетворить венгров серьезными уступками. Рескрипт в сущности равнозначителем объявления войны, которую венгры не начнут теперь же только потому, что ожидают благоприятнейших обстоятельств для поднятия брошенной им перчатки. Этот рескрипт уничтожил всякое несогласие во мнениях между венгерскими партиями и сделал вопрос о войне только вопросом о времени для начала войны».

ворила с венгерским сеймом подобным образом. Рескрипт начинается обещанием прямодушно рассмотреть поднятые вопросы для вечногo устранения нынешних неприятностей. К несчастью, это обещание совершенно опровергается всем следующим содержанием рескрипта. Те немногие, которые ожидали примирительного решения, подверглись полному разочарованию. Рескрипт оказался совершенно противоположен их надеждам. По содержанию и тону его (говорят венгры) надобно предположить одно из двух: или Франц-Иосиф непонятным путем пришел в последнюю неделю к убеждению, что рассеялись все опасности, грозившие его империи, или советниками ему служат люди, мало заботящиеся о судьбах империи, ставящие личное минутное торжество выше прочности государства. Все говорят здесь, что никогда еще не бывало документа, столь необдуманного и опасного. Что австрийское правительство при нынешнем своем положении, при недостатке денег и при всяческих своих затруднениях бросает прямо в лицо венграм перчатку, это принимается здесь за безрассудство, объясняемое лишь тем, что венское правительство решительно не знает истинного положения дел в Венгрии, особенно не знает единодушия и непоколебимой решимости всех сословий нации. Если бы император и его советники приехали в Пешт инкогнито, хотя на несколько дней, послушали бы и посмотрели бы, что здесь происходит, то поспешили бы они изменить рескрипт, раздражающий здесь всех. Если после 12 лет произвольного управления Франц-Иосиф, при своем характере и при своих фамильных преданиях, нашел нужным уступить конституционному духу Венгрии, это очень ясно показывает, что он чувствовал надобность в расположении и поддержке со стороны венгров. Очевидно, он думает, что эта надобность прошла: иначе невозможно объяснить, что он отвечал таким рескриптом на представления венгерского парламента. Но ультра-либеральная партия в Венгрии чрезвычайно обрадована этим рескриптом, потому что он соединяет в одно целое все венгерские партии, и потому, что положение ясно определенное лучше неопределенного. Император, говорят ультра-либералы, ясно и положительно объявил наконец, чего он хочет и чего не хочет; мы знаем, чего нам ожидать, и можем решительно выбрать для себя путь действия. «Если б у нас только было оружие на 150 тысяч человек, стали говорить мне венгры по получении рескрипта, не было бы у нас и речи об отсрочках и рассуждениях. Мы немедленно дали бы ответ». Это чувство очень сильно и выражается оно спокойным тоном, без хвастовства. Венгры смотрят на рескрипт, как на вызов, на который охотно отвечали бы на поле сражения. Но оружия и денег у них нет; потому они должны удовлетворяться нравственным сопротивлением и тем, что попрежнему будут отказываться от платежа податей, в ожидании поры, когда можно будет начать борьбу более деятельным путем; а до той поры решились они не нарушать тишины. Низшие классы, сильно интересующиеся политическими делами, готовы были бы подняться теперь же; но представители нации уверяют меня, что успеют удержать народ.

Если вы читали мои письма, то не нужно мне вновь говорить, что ни в каком случае не пошлют венгры депутатов на венский имперский совет (в чем состоит главное требование рескрипта). Уступка эта столько же вероятна, как то, чтобы члены венгерского сейма процессию пошли на берег Дуная и утопились все до последнего. Кто хотя несколько наблюдал расположение в мыслях венгров, характер и энергию нации, тому рескрипт должен казаться рядом требований, на исполнение которых не имеют ни малейшей надежды сами составители рескрипта, если хоть сколько-нибудь знают Венгрию. Одно из двух: или австрийский кабинет ровно ничего не понимает в венгерских делах, или цель рескрипта только та, чтобы возбудить в Венгрии беспорядки, которые послужили бы предлогом для крутых мер. Есть в Пеште несколько человек, старающихся убедить себя, что не вся еще надежда на Вену потеряна и что скоро мысли австрийского правительства могут измениться. Но большинство теперь думает, что никакой

справедливости не должна ждачь Венгрия от Вены, пока не предъявит своих требований с оружием в руках. Что благоприятные для того обстоятельства представятся скоро, в этом никто здесь не сомневается. В людях горячих заметно нетерпение, но уныния нет ни в ком. Венгры в состоянии ждать: нынешний день для них неблагоприятен, но завтрашний твердо считают они своим».

«25 июля.

По прочтении рескрипта венгерский сейм отсрочил свои заседания на несколько дней, и каждая из двух партий назначила свой комитет из восьми членов, чтобы во время этой отсрочки заседаний рассмотреть рескрипт и составить программу для дальнейшего образа действий. Эти два комитета соединились в один; о совещаниях, в нем происходящих, ничего неизвестно, потому что члены его взаимно обязались хранить тайну. Но надобно полагать, что он положит отвечать императору на его рескрипт. Есть люди, которые не хотели бы отвечать императору, а вместо того издать манифест к венгерской нации. Это едва ли будет сделано, потому что, вероятно, повело бы к распусчению сейма. А по господствующему здесь мнению, чем больше можно продлить существование нынешней палаты, тем лучше для венгерского дела. Нынешнее положение выгодно для него, а каждую благоприятно переменою политических обстоятельств венгры вполне воспользуются. По всем сведениям, какие получаются в Пеште из разных частей страны, отказ в платеже податей идет успешно и достигает желаемой цели. Там или здесь, какой-нибудь несчастный городок или деревня, не имея возможности долее содержать солдат, которых ставят в наказание за неплатеж, уступает и платит; но большая часть населения остается непреклонна. Ведь Венгрия так велика, что солдат недостает для всеобщего исполнения плана вынуждать платеж налогов этими экзекуциями. А прибегать к продаже имущества за неплатеж — невозможно. Сборщик податей может объявлять об аукционе, но не может никого принудить к покупке продаваемого. Ультра-либеральная партия чрезвычайно довольна рескриптом, который доказал, что она была права в своем убеждении о невозможности ждать ничего удовлетворительного из Вены. Она радуется, что рескрипт соединил обе партии сейма в одну. Слияние комитетов обеих партий в один служит доказательством действительности этого соединения между [партиями].

В ожидании конца трудов этого комитета газеты и публика занимаются разбором рескрипта. Здесь говорят, что он написан каким-то иностранцем Вареном, который состоит по литературной части при кабинете министров. Но кто бы ни был автор рескрипта, это сочинение плохо рекомендует такт и ум своего автора. Самые резкие замечания возбуждаются тем местом рескрипта, где неизвестный автор заставляет императора говорить, что он не признавал и никогда не признает тех частей конституции 1848 года, которые не согласны с его решениями 20 октября 1860 и 26 февраля 1861, и что он «не считает себя лично обязанным признавать эти части». — [«Но, говорит в Пеште, Фердинанд, предшественник Франца-Иосифа, клялся соблюдать конституцию 1848 года, и теория, утверждающая, что государь не связан обязательствами своих предшественников, — теория новая и опасная».] Почти столь же сильно раздражаются венгры и теми отделами рескрипта, которые относятся к вопросу о национальностях. Когда созывался венгерский сейм, правительство должно было, по закону, пригласить на него представителей Трансильвании и Кроации. Оно этого не сделало, с тем, по мнению венгров, чтобы сейм остался не имеющим права принимать какие бы то ни было законы. В адресе Деака прямо говорится, что «пока представители всех земель, входящих в состав Венгерского королевства, не будут призваны на сейм, он не может считать себя вправе принимать законы» (и все венгры так думают), «а к числу законов, которые более всего желают они принять, принадлежат законы, которыми дано было бы

полное удовлетворение не-венгерским национальностям. Соблюдая конституционное правило, что сейм не может принимать никаких законов, пока не будет в полном составе, он и не принял до сих пор ни одного, а только совещался о проектах законов. Потому и невозможно было ему решить вопрос о национальностях. А между тем в рескрипте венское правительство, возбуждающее кроатов и трансильванцев против венгров, требует, чтобы сейм немедленно принял законы о сравнении всех других национальностей в правах с венгерскою. Но само оно знает, сейм не может заняться этим, пока не будут призваны к участию в сейме кроатские и трансильванские депутаты, чему оно противится. Ясно, к чему это клонится. Австрийские агенты внушают кроатам и трансильванцам, что венское правительство чрезвычайно ревностно защищает их права, но что не может склонить венгерский сейм к признанию этих прав. Маневр этот очень может достигнуть успеха и вновь возбудить между национальностями вражду, которая повела в 1848 году к войне, но после того уступила было место более дружелюбным чувствам».

Теперь для нас ясно, почему ультра-либеральная партия венгерского сейма решилась пренебречь укоризнами за непостоянство, согласившись установить первоначальный, деаковский вид адреса: она предвидела, каков будет ответ на него и рассчитывала показать всем венграм на факте, что никакие уступки со стороны их не приведут к успешному окончанию дела. Когда был получен ответ в том духе и произвел то впечатление, как она рассчитывала, она решилась повторить опять тот же маневр, который, как ни тяжел для нее, но ведет к цели, которую имеет она в виду. Она согласилась продолжать переговоры, чтобы еще более укрепилось единодушие в венграх новою бесполезностью переговоров и чтобы выигралось еще несколько времени. Эта тактика чрезвычайно ловкая, но требующая чрезвычайного самообладания и возможная только при полной уверенности в свойствах противника. Что, если венский кабинет воспользуется возобновляющимся случаем кончить дело выгодно для австрийского правительства, примирением с венграми? Но ультра-либеральная партия твердо убеждена, что венское правительство не сумеет воспользоваться и этим случаем, как не сумело воспользоваться прежним, что оно будет неотступно держаться своей системы, ведущей к утверждению венгров в мысли о невозможности примирения.

Совершенно иное представляют нам действия кроатского сейма, которому скорее всего готовы были бы мы сочувствовать, но который поступает очень нерасчетливо. Сами по себе кроаты слишком слабы: если они не в союзе с венграми, они в полной зависимости от Вены. Но они воображают, что без помощи венгров получают все, чего желают. И вот кроатский сейм решает, что вопрос об отправлении депутатов на венгерский сейм он отлагает до будущего времени, а сам вступает в переговоры с Веною. Многое может измениться до наступления кризиса: но судя по началу, надобно опасаться, что будет повторена кроатами ошибка, сделанная ими в 1848 году. Вена будет длить

переговоры до последней минуты, чтобы удержать кроатов в разъединении с венграми; когда понадобится помощь кроатов для войны с венграми, Вена обещает кроатам все, чего они хотят — и начнутся те же самые подвиги, какие совершал Еллачич в 1848 году¹, с тою же наградою в случае победы над венграми.

Венский сейм не уступает в политическом искусстве кроатскому. Все немцы, заседающие в палате депутатов имперского совета, называют себя либералами; Шмерлинг уверяет их, что он тоже либерал. В полном удовольствии от этого они свирепствуют на венгров, не подчиняющихся воле такого либерального министра, и своими голосами склоняют всех немецко-австрийских либералов поддерживать венское правительство в будущей войне с венграми. Но желая победы Шмерлингу, они не замечают, что нужны ему сами только для победы над венграми, а когда Венгрия будет усмирена, то всякая надобность в них прекратится для венского кабинета и они будут отправлены по домам. С такою же ловкостью держат себя эти австрийско-немецкие либералы и относительно славян, заседающих на имперском сейме: все, требуемое славянами, они отвергают, как противное либеральным планам Шмерлинга. Славяне, разумеется, раздражаются этим и в досаде уже хвалятся тем, что чешскими полками была усмирена Вена в 1848 году, — стало быть, можно предвидеть, что когда Шмерлингу придет пора усмирять либеральных немцев в нынешний раз, чехи тоже не откажутся усмирять их с полным усердием. Но то когда еще будет, а ловкость свою уже показывают они и в настоящем. Благодаря избирательному закону, дававшему немецким округам в Чехии и Моравии гораздо больше депутатов, чем славянским округам, славяне составляют в венском имперском совете лишь меньшинство. Немецкое большинство систематически поддерживает Шмерлинга [решительно] во всем против них. Ни малейшего своего требования или желания не могут провести они через имперский совет. Но Шмерлингу необходимо, чтобы на этом венском сейме были славяне, — иначе, если бы остались на нем только одни немцы, нельзя было бы опираться на него: ведь надобно, чтобы казался он представителем не одних австрийских немцев, которые слишком малочисленны, а всех областей империи, кроме венгерских и итальянских, чтобы Шмерлинг мог говорить: «я опираюсь на представителей большинства населения в империи, а вы, венгры и итальянцы, составляете только мятежное меньшинство». При таком положении славяне могли бы вытребовать всего, чего хотят, если бы поступили решительно, [отказались от участия в сейме, на котором ничего не добиваются, кроме оскорблений]. Но они ничего себе, заседают и заседают, ни расчетом, ни чувством оскорбляемой национальности не приводятся они к тому, чтобы понять, как следовало бы поступить.

Свою способность упорствовать в роли, унижительной и вредной для них, и свою неспособность действовать, сообразно достоинству и интересу своему, недавно выказали они самым мастерским образом. Один из чешских депутатов говорил о неуважении венского правительства к чешской национальности. Президент палаты сделал ему выговор за оскорбительные будто бы для немцев его выражения. Все славянские депутаты протестовали против этого выговора, несправедливого и пристрастного, по их мнению. Тогда президент сказал: «делаю выговор всем депутатам, протестующим против моего прежнего выговора», — это значило, что он делает выговор всем славянским депутатам. Они оскорбились (наконец-то!) и ушли из залы, объявив, что оскорблены. Так. Что [ж теперь предписывал им сделать здравый рассудок и интерес? Отказаться от звания депутатов, разъехаться по домам и коллективно заявить своим соотечественникам, что справедливости к себе на венском сейме не нашли, а только подвергались на нем оскорблениям. Что тогда стал бы делать Шмерлинг, оставшись с одними своими немцами? Он должен был бы смириться перед славянами, сделать для них все, чего они потребуют, лишь только воротить их в Вену. Кажется, это ясно. Что же славянские депутаты?] Воротились на другой день в залу, принесли оправдание в том, что вчера ушли из нее: «мы, дескать, ушли не потому, что хотели [своим удалением протестовать против обиды], а для того только, чтобы поохладиться, — мы-де вчера были разгорячены». Президент сказал, что выговор вчера сделал он им основательно; тем дело и кончилось. И сели славянские депутаты на прежних местах в ожидании новых оскорблений. [Хороши, нечего сказать, очень хороши!]

Читатель видит, как мы беспристрастны: и кроаты, и чехи, и австрийские немцы одинаково сообразительны кажутся нам. Как подумаешь хорошенько, то и не удивляешься долговечному существованию Австрийской империи. Еще бы не держаться ей при таком отличном политическом такте связанных ее границами национальностей.

В Италии все идет по-старому. Месяц тому назад мы оплакивали смерть Кавура, как министра незаменимого. Теперь оказывается, что плач наш был совершенно напрасен: Рикасоли совершенно заменил своего предместника² и самые труднейшие из наследованных от Кавура дипломатических интриг ведет с таким же, повидимому, искусством. Известно теперь, например, что за Рим Кавур предполагал заплатить уступкою острова Сардинии. Дело это подвигается вперед успешно, как видим из объяснений, недавно происходивших в английской палате общин. Но позвольте, верно ли то, что Кавур предполагал уступить Сардинию Франции? Поклонники Кавура могут вздумать, что мы понапрасну черним имя незаменимого министра. Чтобы удо-

стоверить их в противном, приведем извлечение из речи Кинглека — того самого Кинглека, который первый заговорил в английском парламенте об условии, уступавшем Франции Савойю и Ниццу.

Как только разнеслись слухи о намерении французского правительства овладеть островом Сардинию, Россель отправил в Турин депешу с инструкциями [Вёрдеону], английскому посланнику при туринском дворе, поручая ему потребовать от Кавура формального обязательства не уступать никаких земель Франции. Кавур отказался дать требуемое обязательство, а сослался только на речь, недавно им произнесенную в сардинской палате и объявлявшую, что не уступит он ни одного дюйма земли в Италии. Это несогласие дать прямое формальное удостоверение английскому правительству не рассеивало предположений о преднамеренной уступке острова Сардинии, а, напротив, подкрепляло их. Во-первых, речь перед палатою не до такой степени связывает министра, как дипломатическое объяснение с другою державою. Мнение палаты может измениться; тогда она освободит министра от обязательства, данного перед нею, уполномочит его поступить иначе. Во-вторых, и самая речь Кавура перед сардинскою палатою имела двусмысленность, без сомнения, рассчитанную. Английское министерство требовало, чтобы он обязался не отдавать французам никакой земли, а Кавур говорил сардинской палате, что не отдаст только «итальянской земли»; тут оставалась возможность истолковать впоследствии времени, что к острову Сардинии это обещание ни мало не относилось, потому что остров Сардиния — вовсе не составляет часть итальянского материка, а что Кавур говорил только об итальянском материке. Россель потребовал объяснений и у французского правительства; французский министр иностранных дел Тувенель отвечал, что Франция не желает приобрести остров Сардинию. Но через неделю по получении такого ответа Россель, вероятно, заметил новые факты, несогласные с ним, потому что через полторы недели написал к английскому посланнику в Париже депешу, приказывавшую ему потребовать новых объяснений от французского правительства. Что же получено в ответ? Английское правительство считает неудобным обнародовать ответ, полученный на этот раз от французского правительства. Значит, ответ был неудовлетворителен. Что же теперь видно по обнародованным депешам? Английское правительство пришло к сомнению; оно желало, чтобы итальянское правительство и французское правительство опровергли это сомнение. Итальянское правительство отказалось опровергнуть его; французское правительство в первый раз опровергло его, во второй раз не опровергло. Таким ходом переговоров подтверждается слух, что существует между итальянским и французским правительствами

обязательство об уступке острова Сардинии. Следующую часть речи Кинглека мы передаем подлинными словами английского оратора:

«Если предположить, что действительно существует такое обязательство, то каких фактов должны мы ожидать? Вот каких. Жители острова Сардинии будут чувствовать, что итальянское правительство хочет уступить их Франции. На их острове будут делаться приготовления к тому. Через несколько времени Франция почтет за нужное объявлять, что не участвует в этих приготовлениях. Король итальянский, ободренный положительностью этих уверений, вообразит, что он освобожден ими от прежнего обязательства. Но Франция тотчас же выскажет ему свое неудовольствие за то и покажет, что он должен исполнять данное обязательство. Таких фактов мы должны ждать, судя по тому, как велось совершенно подобное дело об уступке Ниццы и Савойи. И действительно, мы видим все эти факты. На острове Сардинии ведется агитация, с целью убедить его жителей, что он неизбежно перейдет под власть Франции. У меня на руках лист газеты, издающейся в Кальяри совершенно в этом духе. Пьемонтские чиновники на острове Сардинии убеждены, что скоро придется им шить новые мундиры по французской форме. В Турине все близкие к правительству люди также убеждены, что оно обязалось уступить остров Сардинию. Скажу больше. Граф Кавур пригласил к себе человека, фамилию которого я еще не вправе открыть палате,—но она известна английским министрам, и я полагаю, что получу полномочие сообщить ее палате, если это будет нужно,—граф Кавур пригласил его к себе и сказал, что просит его отправиться на остров Сардинию и посмотреть, до какой степени успеха достигли французские приготовления к приобретению острова. Человек, получивший такое поручение, натуральным образом спросил графа Кавура: «Но в каком же положении находятся ваши переговоры с Францией? уступаете ли вы остров?» Граф Кавур отвечал: «французское правительство вынуждает меня уступить; но я до сих пор еще сопротивляюсь». Этот человек отправился на остров Сардинию и там удостоверился, что французская агитация ведется точно так же, как велась прежде в Ницце и Савойе: что там учреждены два комитета, подготавливающие переход острова под власть Франции. Я могу назвать лицо, руководящее действиями комитетов. Лицо это — французский сенатор Пиетри, тот самый, который руководил подобным делом в Ницце и Савойе. Перейдем теперь в Париж. Когда законодательный корпус в предварительных секретных собраниях по своим отделениям (бюро) рассматривал бюджет французского флота, один из депутатов заметил, что по этому бюджету французский флот доводится до чрезмерной многочисленности, так что французские военные порты не могут вместить такого числа кораблей. На это правительственный комиссар отвечал ему, что Франция ведет переговоры, по которым приобретет на Средиземном море новые военные гавани. Эти слова прямо указывают на остров Сардинию, имеющий две очень большие и превосходные гавани. Если мы соединим все эти факты, мы увидим, что существуют сильнейшие причины к беспокойству для нас. Недавно Рикасоли сказал в сардинской палате, что не согласен уступать никакой части итальянской земли; я имею причину думать, что около того же времени французское правительство отрекалось перед английским правительством от намерения приобрести остров Сардинию. Но тотчас же после того французские официальные журналы стали говорить, что остров Сардиния будет приобретен Францией, несмотря на сопротивление Рикасоли. Я имею причину думать, что французский министр иностранных дел послал Рикасоли депешу, в которой выражал неудовольствие на уверение, данное им сардинской палате. В каком духе французское правительство расположено действовать, можно видеть из «Revue Contemporaine», издаваемого французским правительством. Вот отрывок из этого журнала:

«Мы надеялись приобрести остров Сардинию, который будет нам полезен, потому что лежит на пути в Алжирию, представляет превосходный лес для нашего флота и хорошие гавани для наших кораблей. Остров Сардиния продолжает Корсику. Это остров — более французский, чем итальянский; жители его любят Францию, чувствуют, что она дает им счастье и с энтузиазмом вотировали бы свое присоединение к Франции, если бы по необходимости или по случаю были они освобождены от своих обязанностей к Итальянскому королевству; но вот г. Рикасоли разрушает наши патристические сны. Правда, что могут возникнуть обстоятельства, которые заставят итальянское правительство несколько изменить свою программу относительно Франции и различить остров Сардинию от Италии. Мы не думаем, чтобы французское правительство захотело приобрести эту вторую Корсику насилем, хотя она необходима для сохранения самой Корсики; но наше правительство, конечно, не откажется от Сардинии, если она будет предложена ему, особенно если жители Сардинии, будучи спрошены о своих чувствах, дадут такой же единодушный ответ, как Ницца и Савойя».

Я не сомневаюсь (продолжает Кинглек), что г. Пиетри сумеет получить единодушное согласие жителей Сардинии. Я помню, что в Ницце исполнил он подобную обязанность с такою ревностью, что, по словам г. Моккара, секретаря французского императора, число голосов в пользу присоединения было значительно больше всего числа людей, подававших голос».

Речь Кинглека кончается вопросом, разделяет ли английское министерство опасения оратора, или может успокоить их какими-нибудь данными. Россель отвечал в том смысле, что опасения существуют и у него и что никаких серьезных успокоений против них он не имеет; что Рикасоли, конечно, искренен, когда говорит, что не желал бы уступать остров Сардинию; но что одно желание тут ничего не значит и может явиться необходимою Рикасоли действовать против собственной воли.

Само собою разумеется, что вопрос этот не был бы возбужден в палате общин, если бы Кинглек и само английское министерство не видели, что дело об уступке острова Сардинии энергически продолжается. Все английские партии согласны, что оно имеет несравненно более важности для Англии, чем уступка Савойи и Ниццы. Остров Сардиния имеет превосходные гавани и большие корабельные леса. Стремление Франции завладеть этим островом они понимают как стремление усилить французский флот на Средиземном море до того, чтобы отнять там перевес у них, и на этот раз можно верить серьезности слов Росселя, сказавшего, что подобное дело повело бы к войне. Во всяком случае до войны, однакоже, еще далеко; и, быть может, французское правительство отсрочит свое намерение владеть островом Сардинию, когда убедится, что англичане принимают этот вопрос гораздо ближе к сердцу, чем вопрос о присоединении Ниццы и Савойи.

Во внутренних делах самой Англии должна постепенно произойти довольно значительная перемена от перемены прежних отношений между разными оттенками либеральной партии. Читатель знает, что виги имели в последнее время не одного предводителя, как бывает обыкновенно, а двух, Пальмерстона и

Россея. По своей ловкости в парламентской тактике Пальмерстон все больше и больше брал перевес над Росселем, так что Россель согласился, наконец, принять титул пера с именем графа Россея Россельского (Russell of Russell) и перейти в палату лордов, — иначе сказать, перешел как будто бы в половинную отставку от живого участия в борьбе партий, которая имеет своим местом палату общин. Он в палате общин служил связью между частью вигов, мало расположенною к прогрессу, то есть партией Пальмерстона, и прогрессистами. Теперь надобно ждать, какое новое лицо, какого оттенка мнений и какой силы характера займет посредническое положение между Пальмерстоном и прогрессистами, или как уладится прямая связь между ними без особенного посредника. Ныне у той части вигов, которая имела своим предводителем Россея, нет в палате общин человека, особенно выдающегося над другими, и по духу газетных рассуждений о последствиях перехода Россея в палату лордов надобно полагать, что этот отдел вигов распадется, примкнув своим большинством к Пальмерстону, а другую, меньшую свою часть, к прогрессистам, которые, усилившись этим присоединением, добьются более выгодных условий для своего обыкновенного союзничества с вигами. По крайней мере, газеты указывали на это по поводу перемен в составе кабинета, произошедших от перехода Россея в палату лордов. Пальмерстон при этой перестановке раздал должности почти исключительно вигам, не дав прогрессистам ни одного нового важного места. Все газеты вигистской партии нашли, что он поступил нерасчетливо, что надобно было бы предоставить прогрессистам несколько большее прежнего участие в кабинете; газеты предполагают, что сам Пальмерстон убедится в необходимости такой уступки: нынешняя сессия парламента почти уже кончается, и время серьезной борьбы между партиями уже прошло; но к началу следующей сессии, говорят газеты, Пальмерстон, конечно, явится подкрепленный участием свежих сил в своем кабинете. Посмотрим, так ли это будет, как следует ждать по нынешним отношениям разных оттенков либеральной партии.

Когда мы готовились писать первые строки заметок о положении дел в Америке, нам принесли телеграфическую депешу, которая, скажем откровенно, разрушает многие из предположений, казавшиеся нам за полчаса перед этим очень верными. Войска союзного правительства потерпели неудачу, и, вероятно, довольно чувствительную, в большой (?) битве. Конечно, при получении подробных известий окажется, что депеша преувеличивала важность этого дела и характер неудачи, что это было не генеральное сражение, а только авангардная атака, произведенная, быть может, и в довольно больших силах, но далеко не всею массою союзных сил, сосредоточившихся для нападения, — вероятно, какой-нибудь корпус пришел к назначенному месту

слишком рано и начал атаку, не дождавшись других корпусов, которые все-таки продолжают подвигаться вперед, несмотря на его неудачу. Но все-таки не следовало по прежним известиям ожидать и такой неудачи. Впрочем, какова бы ни была она, общий ход войны от нее не изменится: если она велика, север только воодушевится к усилиям, еще более энергическим. Это ясно каждому, читавшему северные газеты и прения вашигтонского конгресса. Мы начнем с расположения умов в самом сомнительном пункте северных штатов, Нью-Йорке, и притом в самом сомнительном пункте самого Нью-Йорка, на бирже. С этим познакомит нас корреспондент «Times'a».

Финансовые соображения его, изложенные в письме, отправленном дня за три до открытия конгресса, любопытны потому, что представляют собою отголосок мыслей, господствовавших на нью-йоркской бирже. Притом же сведения, которыми он пользовался, оказались совершенно точными: министр финансов предложил (и конгресс принял) те самые пошлины, о которых говорит он.

Корреспондент «Times'a» начинает тем, что легко было бы союзному правительству получить очень большие суммы от прямого налога, источника, которым до сих пор оно вовсе не пользовалось. Но нью-йоркская биржа полагала, что этим источником правительство еще не захочет пользоваться в нынешнем году; почему же, как вы думаете? по каким-нибудь существенным затруднениям? Совсе нет: только потому, что правительство хочет (говорит корреспондент «Times'a»), чтобы чрезвычайное заседание конгресса, им созываемое, было непродолжительное, а распределить в короткое время прямой налог невозможно, при большом разнообразии местных условий. Почему же правительство не хочет, чтобы чрезвычайное заседание конгресса было продолжительное? Быть может, тут были бы какие-нибудь важные неудобства? Нет, дело просто в том, что самим членам конгресса не хочется связывать себя продолжительною сессиею в летнее время, которым каждый из них рассчитал воспользоваться для других дел. Если бы встретилась существенная надобность, это соображение о личных удобствах было бы отложено в сторону. Но большой надобности длить заседания конгресса нет, потому что и без прямого налога представляются достаточные источники чрезвычайного дохода. «Потому в Нью-Йорке предполагают, что правительство отложит проект о прямом налоге до времени обыкновенного собрания конгресса», то есть до декабря. «Но довольно любопытно знать, какую сумму принесет прямой налог, когда будет установлен. По слишком низкой оценке, сделанной для взимания местных налогов, сумма подлежащей налогу собственности в штатах, верных союзному правительству, простирается до 7 000 миллионов долларов (около 10 000 миллионов рублей сер.). Налог в 1% даст

сумму в 70 милл. долларов (100 милл. сер.), и я уверен, что правительство со временем воспользуется этим источником. Нация, которая не хочет приносить пожертвований в настоящем, уклоняется от налогов на чрезвычайные расходы, слагая бремя это на будущность посредством займов, не имеет уважения к себе. Север не расположен делать такую ошибку. Сколько я знаю общественное мнение, я должен сказать, что собственники будут платить сколько понадобится, без неудовольствия. Но если, как я думаю, правительство решит отложить установление прямого налога до времени обыкновенной сессии конгресса, есть другие совершенно непочатые источники дохода, и деньги изобильно польются из них по первому желанию министра финансов. Например, чай и кофе вот уже лет 20 освобождены от пошлины. Чай в верных правительству штатах потребляется более 28 милл. фунтов (то есть английских; это составит около 31 милл. русских фунтов, по $1\frac{2}{3}$ ф. на человека); если установить пошлину в 15 центов с фунта (английского, то есть около 17 к. с русского фунта), эта одна статья даст 4 200 000 долларов. Кофе в свободных штатах будет и во время войны потребляться не меньше 150 милл. фунтов (по 9 русских фунтов на человека); пошлина в 5 центов с фунта даст 7 с половиной миллионов долларов. Сахара потребляется в свободных штатах не меньше 330 тыс. тонн (более 20 милл. пудов, то есть с лишком по пуду на человека); пошлина от $2\frac{1}{2}$ до 4 цент. (от $3\frac{1}{2}$ до 5 коп. с русского фунта) с разных сортов даст 17 милл. долларов; соответственная тому пошлина с патоки еще 3 с половиной милл. долларов. Таким образом, умеренные налоги на чай, кофе и сахар дадут 32 200 000 долларов (около 42 милл. р. сер.). Если понадобится, можно получить еще больше посредством таких акцизов, которые по своей легкости будут почти нечувствительны. Акциз с солода и спиртных напитков в английском размере даст в одних северных штатах 50 милл. долларов (более 65 милл. р. сер.). С некоторыми акцизами на предметы роскоши эти пошлины на чай, кофе, сахар и спиртные напитки дадут около 100 милл. долларов (130 милл. р. сер.). Такую же сумму легко получить от прямого налога». Понятна самоуверенность страны, которая без обременения себя может в прибавку к прежнему своему бюджету собирать еще 250 миллионов р. сер. дохода на ведение войны. Но как мы заметили, любопытнее всего здесь то, что, доказывая возможность вести войну самым энергическим образом без обременения для нации, корреспондент «Times'a» служит представителем мнения, господствующего на нью-йоркской бирже. Очень велика должна быть сила и всеобщность национального энтузиазма, чтобы торговое сословие давало правительству поощрение вести войну самым настойчивым образом, не опасаясь недостатка в средствах.

Если биржа так решительно говорит о легкости собрать денежные средства для энергического ведения войны, то можно

предположить, как твердо готовы жертвовать всем для успеха дела другие сословия и масса населения.

Действия вашингтонского конгресса вполне подтверждают это ожидание. Он вотирует единодушно, борьба партий исчезла, все они слились в одну партию. Патриотизм конгресса доходит до энергии, почти беспрецедентной в истории. Правительство требует доведения военных сил до 400 000 человек и кредита в 400 миллионов долларов на их содержание. Конгресс дает ему больше, чем оно само просит, — 500 миллионов долларов и 500 тысяч человек войска, — это вотируется единодушно. Не довольствуясь тем, палата представителей формально объявляет, что дает столько лишь потому, что неловко же ей слишком далеко опережать размер требований правительства, — но что она предлагает ему потребовать еще гораздо больше, чем назначила она. Вот решение, ею принятое 16 июля:

«Палата представителей обязывается вотировать какую бы то ни было сумму денег и какое бы то ни было число войска для быстрого и коренного подавления мятежа и для прочного восстановления союзной власти на всем пространстве Соединенных Штатов».

Это решение было принято большинством 121 голосов против 5 голосов.

Понятно, что при таком беспредельном патриотизме и при той неистощимости средств, какую раскрывает перед нами корреспондент «Times'a», торжество Севера над плантаторами неизбежно. Какая-нибудь ошибка авангардного командира не может иметь тут никакого влияния, кроме того, что послужит новым возбуждением к энергии.

Сама телеграфическая депеша, о которой мы говорим, указывает на это: при первом известии о потерянном сражении кинулись на театр войны новые десятки тысяч волонтеров Севера.

Ход военных действий до этой неудачи был таков. Инсургенты занимали линию верст в 150 длины параллельно реке Потомаку. Левое крыло их стояло в Западной Виргинии, главные массы — в Восточной, против Вашингтона. Ключом всей этой линии была станция Манассас-Гап по железной дороге из Вашингтона в Западную Виргинию и к южной границе Восточной Виргинии, в том месте, где соединяются две эти линии, расходящиеся верстах в 30 от Вашингтона, одна на запад, другая на юго-запад. Союзные войска должны были сойтись у Манассас-Гапа с двух сторон. Главные силы двигались из Вашингтона, с востока на запад. Первым шагом тут была переправа через широкую реку Потомак, на северной стороне которой стоит Вашингтон, между тем как в нескольких верстах по южному берегу расположены были сильные отряды инсургентов. При таких условиях переправа совершалась очень медленно, и мы полагаем, что главная масса сосредоточенных около Вашингтона войск еще

оставалась на северном берегу Потомака, когда произошло дело, о котором говорит телеграфическая депеша.

С северо-запада, из Огайо и Индианы, под командою Мак-Клелланда двигались войска к Манассас-Гапу через Западную Виргинию, с верховья Потомака по южному его берегу, занятому инсургентами. Мак-Клелланд сбил с позиций эти отряды, составлявшие левое крыло инсургентов; они отступали в Манассас-Гапу, он горячо преследовал их.

Судя по этому, надобно полагать, что авангард главной армии, ободренный слухами о победах Мак-Клелланда, горячо бросился на Манассас-Гап, не дождавшись, пока масса армии будет в состоянии подкрепить его. Во всяком случае битва была только у небольшой части союзных сил с главными силами инсургентов, вроде авангардного дела, за которым должно последовать решительное сражение при совершенно иных условиях успеха, если инсургенты не отступят, воспользовавшись тем обстоятельством, что этот мимолетный успех, вероятно, открыл для них путь отступления, который готовились отрезать союзные войска.